

Сергей Тынзарь

Воспоминания

Сергей Пынзарь

Воспоминания

«Издательские решения»

Пынзрь С.

Воспоминания / С. Пынзрь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963813-7

Истории из жизни автора. Книга для детей и внуков, а также для тех, с кем вместе жил и строил. В частности, глава о начале освоения газовых месторождений Ямала — «У истоков газовой реки Ямала» и «Блок/пост 12», в которой рассказано о моей жизни и работе на трассе Оха — Комсомольск-на-Амуре.

ISBN 978-5-44-963813-7

© Пынзрь С.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Вступление	7
Детство в Сибири	10
На постое у Елены	12
Своя избушка	13
Школьная пора	15
Мужичок с ноготок	17
Да будет свет!	20
О разном	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Воспоминания

Сергей Пынзрь

© Сергей Пынзрь, 2019

ISBN 978-5-4496-3813-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

**В отличие от Книги «Страницы жизни», в этом издании, только воспомина-
ния, с дополнением, и небольшой рассказ о втором хождении в Италию. Время ныне
такое, смутное. Всякого хватает – Одни хвалят, другие грязью поливают прошлое
предков, и даже своё. Была цель – рассказать, как оно было на самом деле. А чтобы
не придумывать, Всё в этой книге, на личном примере, отрывки из моей жизни. Всё
о чём рассказал было, и все имена реальны. Книга для истории, и моим потомкам
на память.**

Спонсор книги, дочь Дарья Пынзарь

Вступление

Родился я в маленькой (по молдавским меркам) деревеньке в 1947 году. Деревня хоть и маленькая, но с долгой историей. Несколько раз меняла свое место, а теперешняя образовалась во второй половине пятнадцатого века. Пару лет назад по дороге в лес, что находится менее одного километра от меня, увидел на дороге машину. В стороне по пашне ходили двое с металлоискателями. Подошел спросить: что ищут, как успехи. Сказали, что давно тут было поселение. Очевидно, что это и было одно из мест деревни. На моей памяти там был сад и виноградник одного резеша по имени Карл. Сада давно нет, а место так и называется – у сада Карла. Я вот не знал, хотя и искал сведения о поселениях в округе, когда интересовался турецким поселением. Ничего не нашел, а кладоискатели каким-то образом знали.

Жили здесь резеши и безземельные. Резеши или боеры (так их называют по-местному) владели относительно большими земельными наделами, поэтому приписанные земли были довольно обширны. В километре от теперешней деревни в пору турецкого владения Молдавией находилось турецкое поселение. Тепер, от этого поселения ничего не осталось, кроме кусков каменных плит бывшего турецкого кладбища. Так как деревня имела большие площади сельхозугодий, здесь создали первый в округе колхоз.

В числе первых вступили в колхоз и мои молодые родители. Мать – активистка-агроуполномоченный, отец, ранее батрачивший у местного помещика, просто колхозник. Вот в этой семье и появился я на свет, третьим ребенком. Первыми были два близнеца, но прожили они около месяца и умерли. После страшной засухи 1946 года, к 47-му, все запасы кончились и пришел голод. Многие сельчане умерли в тот год. Из детей этого года рождения остался только я – благодаря матери. Ни на минуту не отпускала она меня, держала на руках у груди, да и боялась, как бы голодный и злой отец не обидел меня. Были и такие в деревне, что спасали себя, забыв о детях. Умерли дети от голода, но и родители эти, хоть и заморили детей своих, не спаслись.

Власть, которая ранее почистила от продовольствия все хозяйства, понемногу помогала, выдавая по паре килограммов кукурузной муки. В эту муку добавляли лебеду и пекли лепешки, из леса отец приносил дикую черешню. На поле ловили сусликов, это было мясное блюдо. Гонимые голодом, люди шли на Украину менять что-нибудь на еду, шли на ближний украинский сахарный завод за свекловичным жмыхом. Ходил и мой отец. По его рассказу, добравшиеся сразу кидались жрать, жрать, жрать, глотали не жуя. Многие, объевшись этого жмыха, падали, корчась, и умирали прямо у ямы, где находился жмых. Тем временем на запад шли эшелоны с продовольствием.

Выжили и я, и родители. Жили мы в маленьком домике на две комнатки. Вместе с нами жил брат отца дядя Гриша, недавно демобилизованный фронтовик. Первая комнатка – подобие кухни, там стояла печь для выпечки хлеба, вторая жилая. Мало осталось в памяти от этого периода моего детства, обрывки событий трехлетнего возраста. Помню себя во дворе у бабушки, возле стожка с соломой. Я ищу мячик, а бабушка ругает меня, хотя терял этот мячик не я. Помню, пугали меня дядей Мишей Баламутовским: «Вот идет дядя Миша». Я бежал к окну и высматривал. У этого дяди была машинка для стрижки. Эта машинка не стригла, а выдирала волосы на голове. Помню, ходил к маминой сестре тете Лиде, одет в кальсончики, босиком. Однажды, возвращаясь домой, оказался в вечной луже и увяз там. Появился отец и вытащил меня. Эта лужа и теперь там бывает, но на асфальте, что проложили в конце восьмидесятых, уже без грязи, в которой можно увязнуть. В том месте в центральную улицу упирается нисходящая со склона другая. Во время дождя сверху идет поток воды, и образует внизу большую лужу.

Во дворе у нас росла яблоня. Не помню вкуса свежих, но помню: ел печеные, очень вкусные яблоки. Когда пекли хлеб, уголь выгребали к устью печи, и в этих углях пекли сахарную

свеклу. До сих пор помню вкус. К 1950 году обзавелись хозяйством: корова, поросенок, куры и кролики. Летом кролики жили во дворе, а зимовали в кухне подле печи. Однажды чужой кот повадился таскать крольчат. Отец поставил петлю, в которую и попался лапой здоровенный котяра. Петля порезала лапу, стало жалко разбойника, отпустили его.

В 1950-м наша семья прибавилась, родилась сестренка. О ней (ныне давно покойной) с того времени в памяти ничего не осталось. Вот всё, что помню с возраста трех лет, если не считать подзатыльника от отца, от которого я врезался головой в угол плиты. Так и остался шрам на всю жизнь.

Пришёл 1951 год. К тому времени отец вступил в ряды «свидетелей Иеговы»¹. Пришла на молдавскую землю и весна 1951 года, а с ней и операция «Север». В одну из ночей в деревню въехали машины с солдатами. По ранее составленному местными активистами списку у дверей подлежащих депортации семей встали часовые солдаты. Следует отметить: деревня маленькая, почти все родственники. Председатель сельсовета Продан Василий был родным дядей моей матери. Председатель колхоза Баламутовский Маноле – дядя отца. Дали время на сборы до утра. Разрешили взять небогатый скарб и съестные припасы. Некоторые умудрились и порося заколоть. У нас такого не было: загрузили барахло, а из съестного не было почти ничего. Как проходили сборы – не знаю, меня разбудили, когда стали грузиться на машины.

Выехали из села, и тут стали кричать: «Дедушка, дедушка!» Меня приподняли – увидел деда. Он узнал о депортации, бежал из соседнего села, чтобы проститься. Машины промчались мимо без остановки, плач и стенания, крики «прощай»... По рассказам, накануне мой уже давно покойный дядя Михаил Продан (погиб молодым на шахте) находился в районе на мельнице. Ночью узнал о депортации, бросил всё и погнал домой – предупредить. Чуть не загнал лошадей, но не успел даже проститься.

Не помню, как везли до станции, как грузили. Помнится, ехали в теплушке, оборудованной ярусными нарами, несколько семей в одном вагоне. Помню, стоял у окна и смотрел на неизвестный мир. Мимо пролетали поля, поселки, поезда. Однажды увидел березовый лес, с удивлением спросил: «Мама, мама, кто и зачем побелил столько деревьев от земли до макушки?» На крупных станциях кормили горячим, разрешали ходить за кипятком. Ходили по нужде на остановках, под вагоны, вместе женщины и мужчины. Помню, однажды после такой остановки кто-то подсмотрел у одного больные фаберже, большие очень. Рассказал – весь вагон хохотал.

Долго ли, коротко, добрались до станции Асино Томской области. Выгрузку помню: прибыли ночью, еще был снег, и был мороз. На станции нас уже ждал санный обоз. Погрузились на сани, меня и сестренку укутали в тулуп, и тронулись в путь через реку Чулым до деревни Успенка, Пышкино-Троицкого района. Там определили на постой к вдове Елене Кочетковой, в дом с двумя комнатами. В дальней стала проживать сама хозяйка с двумя сыновьями-близнецами, переднюю отдали нам и семье Гаврилюк. Началось мое сибирское детство, жизнь в сибирской деревне до ноября 1959 года.

Всё, что осталось в Молдавии, – домик, корова – перешло в собственность колхоза. После прихода демократов объявили о возвращении имущества. Нужно было составить опись изъятого, подать властям. Не один год возил я отца по инстанциям, но так он и умер, ничего не получив. Говорят, некоторые судились, якобы получили. Кроме того, нашлись организаторы – предъявить иск России за депортацию. Народ записывался, записался и отец, и брат, который родился в Сибири. С каждого собирали какие-то деньги на судебную тяжбу. Я никуда не записывался, несмотря на агитацию, что вот-вот выдадут громадные деньги. Прошли года, вроде всё затихло. Никто не получил ничего.

¹ *здесь и далее:* Организация запрещена на территории РФ.

10 февраля 2017 года.

Детство в Сибири

*Сибирь! Леса и горы скопом
Земли довольно, чтоб на ней
Раздаться вишь пяти Европам
Со всею музыкой своей.
Могучий край всемирной славы,
Что грозно щедростью стяжал,
Завод и житница державы,
Её рудник и арсенал.
Родимый край лихих сибирских
Трём войнам памятных полков
С иртышских, Томских, Обских, Бийских
И Енисейских берегов...*

А. Твардовский

Даже не знаю, с чего начать, в каком порядке вспоминать. Столько всего хранится в памяти, не уходит не стирается, до сих пор продолжает сниться, не отпускает... Успенка – деревня дворов не менее двухсот – привольно раскинулась одной улицей прямой вдоль Успенской курьи и впадающей в курью речки. Километра на три с прибавочкой, с запада на восток. Западная часть километра на два и по сей день называется Хохляндия. Восточная называется Мугулёвщина; от ее окончания до деревни Куиндат всего с километр узкой лесной тропой через сосновый лес, а там и райцентр Пышкино-Троицкое – ныне Первомайское – недалеко. Успенка – отделение колхоза с центральной усадьбой в деревне Ежи. Расстояние до Ежей пара километров, уже не тропой, а дорогой грунтовой. Эта дорога шла из города, входила в Успенку на границе Хохляндии и Мугулёвщины, называлась Троицкая дорога. Через Успенку, Ежи – на Сергеевку и далее по поселениям, расположенным вдоль реки Чулым.

Одно прозвище говорит о том, что деревня основана переселенцами с Украины и Могилевщины. На украинской стороне имелось несколько хозяйств с глухими высокими заборами из толстых брёвен, дворами. Судя по этим дворам, а также по величине и старости кладбища Хохляндии, украинцы первыми пришли на эти земли, а могилевцы присоединились позже. Происходило это еще в царские времена, и думаю, что раньше реформы Столыпина.

Вся деревня расположена на высоком берегу с уклоном в западную сторону. В конце немного не доходит до уровня курьи, и в сильные весенние половодья вода доходит до улицы, затапливает огороды. Не счесть на земле томской рек и речушек, озёр и болот. В самой деревне Успенке помню не меньше четырех болот, и все на украинской стороне: Ермолаево болото, Школьное болото, еще пара поменьше. Весной ни проехать ни пройти, для пешеходов мостки. Через одно болотце такое, что прямо по улице, помню, машина застряла одной экспедиции. Долго они возились, передрались, пока выбрались. Страшно били одного, ногами пинали по голове, по морде, наверно шофёра. Жуткое было зрелище. Бабы кричали, ничего не помогало – били, пока не устали.

О том, что деревня старая, говорит и тот факт, что на берегу Ермолаева болота мы брали гумус (перегной) для подсыпки в лунки при посадке помидоров. По словам старожилов, там давно был конный двор, возможно, ям на ямщицком тракте. Торчали почти сгнившие пеньки столбиков, а слой гумуса был под тридцать сантиметров. Колхозное хозяйство в деревне было довольно большое: конеферма, овцеферма, свиноферма, телятник на голов под сто тридцать, в котором содержались нетели до отёла, после чего их переводили в Ежи на молочную ферму. А ещё склады, зерносушилка... На полях получали хорошие урожаи ржи, пшеницы и овса. Выращивали лён и клевер. Лён обрабатывали в деревне – вымачивали, сушили,

кудель и паклю производили. У каждого хозяйства на деревне большие огороды. Сажали вкуснейшую картошку и получали большие урожаи. Выращивали лук, репу, брюкву и морковь, и даже помидоры. Правда, помидоры не успевали созреть на грядках. Дозаривали в валенках, в соломе – в тепле... Помидорами славилась бакенщица, что жила на берегу Чулыма. По вечерам, на весельной лодке она поднималась вверх по течению, зажигала огни на бакенах, а по утрам тушила.

Огороды северной стороны упирались в полосу молодого березняка с примесью сосенок. За этой полосой метров четыреста шириной – дорога, а за ней сплошной сосняк молодой, где изредка встречались могучие вековые сосны. Помню, пошел я, малец – шестой годик, в лес да и заблудился. Шел по этой дороге, ревел, но шел правильно, вышел к дому. Огороды южной стороны выходили к крутому яру Успенской куры. Там тропинка от одного до другого конца деревни.

На подворьях много живности. Свободно гуляли по улице поросята, куры и гуси, телята. Два стада коров на деревне – в Хохляндии свое, у мугулёвцев тоже. В каждом стаде голов поболее сотни и свой пастух. Жил на деревне и пчеловод – дед Микола. Насколько помню, исполнял обязанности попа. Церковь на деревне была, рядом со школой, но не работала. При церкви домик, вроде сторожика церкви жила. Двор у Миколы старинный, высоко огорожен, сплошной из бревен на берегу Ермолаева болота. Пчелы у него ну очень злые. Однажды (наверно, роение) налетели на проходившую по улице маму. Искушали страшно, но обошлось. Если такое теперь, когда сплошь аллергия, наверняка исход печален.

Раз коснулся пчел, вспомнилось: однажды за рекой Чулым на лугах заливных, на одной березе отец нашел дупло с пчелами. Захотелось ему меда сладкого, пчеловодом стать решил. Дело было к осени. Взяли пилу и топор, по курье на лодке добрались до стороны, что близко к Чулыму. Там на другую лодку и вверх по течению до протоки. Чуть по протоке – и высадились на луга, на колхозные покосы. Нашли березу, стали прислушиваться: есть ли пчелы? Отец залез, заткнул отверстие дупла. Спилили мы дерево и начали выпиливать колоду. Первый срез сделали – всё нормально. Прикинул отец, где пилить второй, немножко пропилили, вдруг отец подпрыгнул. Пила выпала из среза, и начались половецкие пляски и спринт на рекорд – догонят пчелы чи не догонят. И ой! И ай... Неплохо покусали, но таки мы убежали. Подождали темноты, когда эти неправильные пчелы улягутся спать, колоду чуть дальше выпилили. С километр на горбу до лодки, потом на другую, потом до дома. Увы, не перезимовали пчелы, все передохли, не досталось нам меду.

Было в деревне всё, что нужно для нормальной жизни: начальная школа, совмещенные ясли-садик, клуб, магазин. Медпункта не было, если что – в Ежах в центральной усадьбе всё: медпункт, средняя школа, дом культуры, отдельно библиотека... Перечитав всё, что было в школьной и клубной библиотеке Успенки, помню, перешел на Ежинскую.

Много народу из Успенки не вернулось с войны, из тех, что вернулись, были безрукий, безногий, глухой, слепой. О слепом стоит отдельно. Полностью был слепой. Жил в землянке, вырытой на косогоре, с которого детвора каталась на лыжах и санках. Особо сорванцы спускались через эту землянку, используя как трамплин. Так вот этот слепой на ощупь изготавливал печки-буржуйки и трубы-дымоходы к ним отличного качества. Что склеить, починить – тоже шли к нему. Был у него особо прочный клей какой-то. Прощупывая палочкой дорогу, он ходил на прогулку, ходил на рыбалку. Ловил удочкой без всякого поплавка, по чутью. Детвора – озорники, бывало, подшучивали: идет с рыбалки, они ему ветку на тропинку. Подойдет, ветку найдет, отодвинет: «Ах вы, стервецы! Ах вы, негодники, я вам щас покажу...» Пострелята врасыпную бегут, со страху пятки сверкают.

На постое у Елены

Чуть больше года прожили мы постояльцами, но помню мало об этом периоде. У Елены два сына-близнеца, года на три старше меня. От дома далеко не ходил: по соседству, у одной бабуся, жили очень злые гуси. Эти здоровенные гуси так и норовили потрепать прохожего и в первую очередь – беззащитного малыша. Однажды напали на сестренку Галю: за волосы трепали, по земле валяли, щипали. Мама прибежала, гусей отогнала. Несмотря на гусей, нашел я друзей. Через дорогу был дом местных учителей – Новиковых Максима Андреевича и Анны Лукьяновны, учительницы первой моей. У них сын Володя и дочка Галка, они и стали моими первыми друзьями в Успенке. Еще Коля Зуев жил почти рядом. У Новиковых и играли в основном, больше в глубине огорода, что выходил к курье. Там в конце огорода – небольшая рощица, и в ней росли лопухи, борщевик сибирский. Мы очищали корешки листьев и ели. Из стеблей делали брызгалки – игра догонялки-обливалки.

С сыновьями Елены дружбы у меня не сложилось. Эти архаровцы, не знаю, почему, поступили со мной нехорошо. Однажды они сидели на завалинке, подозвали меня. «Посмотри», – говорят и показывают мне дощечку. Не успел присмотреться, мне кинули в глаза. Оказалось, на дощечке была зола. Я, естественно, в рев: ну больно же, щипет. Прибежала мама, глаза мне промыли.

У Новиковых увидел впервые первый на деревне радиоприемник «Родина», который работал от двух здоровенных батарей. К тому времени в Успенке не было электричества, не было и радиорепродукторов. Освещались керосиновыми лампами. Увидев радиоприемник, я представлял себе, что внутри живут маленькие человечки, что это они говорят и поют.

Мама моя работала в детсаде, который находился рядом. Через дорогу клуб, а через один дом – магазин. Где работал летом отец, не помню. Зимой вместе с другими он уехал на лесоразработки на Чичкаюл. Во второй половине лета в нашей семье опять родились два мальчика-близнеца. Почти ничего о них не помню. Пришла зима, малыши подрастали. Помню, дед Исая Гаврилюк играл с ними, а они улыбались, смеялись, агукали. Из Молдавии несколько раз приходили посылки с припасами: мука, фасоль, сухофрукты... Пару посылок прислал с Чичкаюла отец – сахар кусковой, фруктовый чай... Этот чай мы жевали просто так, было довольно вкусно.

Очень гостеприимны были местные. Если случалось зайти, когда они кушали, обязательно сажали за стол. Пришел новый год, помню, оказался в клубе на новогодней елке. Там подошел ко мне Дед Мороз с подарком. Два подарка достал из мешка, мне и сестренке, пряники, конфеты. Хорошо отца дома не было, влетело бы мне: их вера не позволяла ходить в клуб, от сатаны это считалось.

В марте заболел один из близнецов. Недолго поболел и сгорел в жару, умер. Говорили, что в медпункте не было пенициллина, спасти не могли. Через месяц заболел и скончался второй малыш, и опять остались из детей я да сестрѐнка Галя. Пришла весна, с лесозаготовок вернулся отец, привез деньги.

Своя избушка

Почти в конце деревни на украинской стороне, на косогоре, стояла маленькая изба, можно сказать избушка – сени и одна комната. С дворовой стороны при стене землянка – не то была, не то отец построил сразу для поросят. При избе, кроме огорода, – ничего. В комнате русская печь, бревенчатые стены и два окошка, и жуть клопов. Послали меня на другой конец деревни, к одной бабке-молдаванке, а зачем – не сказали. Бабка дала кулек, с ним и пошел домой. По дороге заглянул, вижу – порошок. Подумал мука, зачерпнул и в рот... Оказалось это дуст, травить гадов-клопов.

Купили этот домишко, переселились. Мама обмазала стены глиной, побелила. Началась жизнь в своем доме, своим хозяйством. Свой дом – своё хозяйство. Мне уже шестой год, свой дом, новые соседи, новые пацаны и новые друзья. Сначала о соседях. Наши соседи в сторону центра – хозяйство тоже крепкое, Козичи. Мы на косогоре, они наверху на ровном. Хозяин дядя Костя, хозяйка тетя Нюра. Двое детей у них: Володя, мой ровесник, и Шура, чуть меньше. Потом родилась девочка Надя, но я ее почти не помню, и младший Витя, его не помню совсем. Их единоличниками звали. Дядя Костя работал не то в сельсовете, не то в сельпо, госслужащий, получал зарплату. За тетю Нюру не знаю, может, домохозяйкой была. Чуть дальше жили учителя. Часто к ним заходил, и когда бы ни зашел, обязательно посадят за стол, да и с собой что-нибудь дадут. А потом они уехали, из памяти исчезли, а в дом поселилась семья Гаврилюка, деда Исая. Тоже депортированные из нашей деревни.

Когда окончил начальную в Успенке, пошел учиться в Ежинскую среднюю. Там, подошел ко мне один паренек и говорит: «А я помню тебя. Мы жили в Успенке, потом переехали в Ломовицкое». Сразу за домом дяди Кости стоял дом Сергея Клотчик. Из детей старший Толя, матерщинник и курящий махру с детства, младшая Галя. Не так давно она написала мне в «Одноклассниках». Теперь в друзьях, переписываемся. Сказала, что брата нет давно. Наверно, у них я и ошивался больше всего и чувствовал себя почти как дома. Очень дружелюбная и хлебосольная семья. Дядя Сергей работал на конеферме, дома постоянно кони, от него запах крепкой махры и лошадей.

Ещё чужь дальше, за болотом, в сторону от улицы, на отшибе – семья Ермолая. Много детей: Коля, Рая, Люба... С Колей я дружил, хоть и старше меня лет на пять. Вместе ходили на охоту, а в Раю, наверно, был влюблен: при виде ее краснел, бледнел, терялся, заикался. И там я как дома был, даже лучше чем у дяди Сергея, а дяди Кости и того. Они соседи, мы, пацаны, иногда вздорили, а, как известно, из-за детей соседи, бывает, скандалят.

После нашего косогора была низина, пустое место. По весне там от талых снегов долго стояла вода, потому никто не строился. За низиной – маленький домик, тоже переселенцы, почти ничего не помню о них, наверно, жили недолго, переехали. Потом хозяйство крепкое деда Филипа, охотника и рыбака, за его огородом в лесу косогор, а там в норах жили барсуки. Дед Филип ловил их. У Филипа двое детей старше меня и два близнеца чуть младше. Один из детей, дядя Ваня, – мой спаситель. Кабы не он, не писал рассказы теперь я. Но это было позже. Теперь я дружу в интернете с сыном дяди Вани Виктором Козичем. За дедом Филипом опять пусто. На этом месте чуть позже построился дядя Ваня. Потом дом семьи Чемортан, тоже из высланных. У него две дочери – Оля и Валя. Обеих нет давно уже – вернулись на родину в Молдавию в соседнее село, тут и жили до кончины.

В Успенке всего семей двенадцать жили из высланных. На нашей стороне мы – Пынзари, Гаврилюки, Чемортан, семья Ботнарюк, еще одна семья на берегу Ермолаева болота, не помню фамилию. И на самом краю нашей магалы еще семья. В другом конце, на Мугулёвщине, на косогоре три семьи построили себе землянки: Поплавский Тимофей – руководитель местной ячейки «свидетелей Иеговы», одна одинокая молодая, чуть позже там построил себе

землянку Ротарь Вася. По улице в избах семья Пописташ, еще одна семья и один домик – одинокая женщина. В Ежах, в центральной усадьбе, помню две семьи Кристя, жили почти у берега речки Ежинки. Эти гостеприимные, хозяин Кирилл – добрый человек, часто к ним ходил, с его детьми дружил. Чуть наискосок, через дорогу от нас жила баба Ирина Шадура. Женщина маленько не такая, чуть шепелявая хохлушка. Помню, приносила отцу заточить пилу. А еще, когда злилась, помню ее слова: «Уууу, чейти ня усские!» После бабы Ирины крепкое старинное хозяйство, потом бугор, и там землянка Василя, того самого слепого мастера – золотые руки. Правда, никто не звал его по имени. Кроме слепоты, у него еще позвоночник был искривлен, потому все называли Горбатым. За бугром овраг, вдоль оврага тропинка к курье, на скоп Козичей – место купания всей округи. За бугром дом старика совершенно глухого, потом еще дом, и последний дом тети вроде Авгинья, если не ошибаюсь с именем.

Вскоре к нам в землянку попросился жить на время Вася Ротарь. Мы бедные, а они еще беднее. Собирался рыть землянку рядом с барсуками, передумал. Вечно жаловался что голодный, насквозь больной, но думаю, больше ленивый и с хитрецей. Боже мой, как они жили в нашей тесной землянке! Буржуйка да лежанка, и стол поставить некуда. Жена у Васи, Вера Флоча, да двое детей: Костя на два года младше меня и Валюся грудная еще. Однажды зашел к ним в землянку, родителей дома не оказалось. Валюся, вся голая с ног до головы, какашкой вымазана, вымазан и Костя. Построил Вася себе землянку в яру, где Поплавские, и переселился.

Мы стали хозяйство наживать. Купили поросят, в землянку поселили. Построили сарайчик, купили телочку, кур завели. Отгородили небольшой участок для грядок со стороны улицы. На грядках капуста, морковка, лук, свекла, помидоры... Недавно снились эти грядки – цветы там сажил. Подле дома я свой садик организовал. Помню, притащил и посадил с лугов кусты смородины, уже и не помню какие еще кусты, и вроде березку и цветы. Огород наш на косогоре, почва смытая, глинистая, урожаи не ахти. Отец жердями огородил пустующий в низине участок, мама вскопала целину лопатой. Урожай картохи стало много, места под полом не хватало – вырыли на улице погреб. Подросла и отелилась телочка, появилось молоко. Поросята подросли, тайно кололи. Тайно потому, что были обязаны шкуру сдавать, а без шкурки – какое сало? Когда кололи, я из дома убежал, было жалко. Была у нас среди прочих любимая курочка ряба. Собрались секир-башка ей на суп. Когда узнал, я такое устроил, такую истерику закатил – башкой об забор долбился. Такой вот уродился: находил под проводами погибших птичек, домой приносил. Хоронил, крестики ставил, оплакивал.

Так, потихоньку, жизнь налаживалась. Только с хлебом нехватка. Зерна из колхоза почти не давали, покупать не на что. Пекли хлеб черный, половину картошки добавляли в тесто. Клейкий такой получался.

Школьная пора

Подрос я, пришло время, пора трудовая, пошел в первый класс. Школа в деревне небольшая – две учебные комнаты, да коридор с печкой, да хозяйственная и учительская одновременно. В одной комнате, большой проходной, вместе учились третий и четвертый классы, учитель Максим Андреевич. В другой – малышня и первая учительница Анна Лукьяновна. Помню уроки пения: поет нам песню о Щорсе, а у самой слёзы на глазах. Провинившихся оставляли после уроков, такое наказание было. Попал и я однажды под это, весь извелся от нервов. На переменах и уроках физкультуры – беготня, физкультура и лапта. Была в школе маленькая библиотека. Не забывается одно из поступлений книг, одна из них о животных с красивой обложкой. Не передать мое желание получить ее первым.

К тому времени оба моих родителя работали на ферме с телятами. После уроков я не домой а на ферму. Надо было гнать телят на водопой на курью. После помогать убирать в телятнике, а со второго класса и теплое пойло ведрами таскать. Сено для телят привозили санным путем с колхозных лугов, что за Чулымом. За соломой для подстилки на поля ездили сами. Рядом в ямах силос брали на прокорм. Нередко кормов не хватало, кормили соломой и березовыми вениками, которые заготавливали летом. Падежа, однако, не допустили ни разу. Только один раз в лесу подрались два бычка, и один заporол другого. Сходили за начальством, составили акт. Вместе с нами работал и Вася Ротарь. Вечно от работы отлынивал, жаловался, что голодный, больной, нет сил работать. Работал недолго, ушел вроде сторожить. Еще труднее с кормами было для личных подворий. Сено заготавливали по кустам, по неудобьям. С приходом морозов по льду косили фишку. Потом был год такой, вообще не разрешили косить для себя. Косили тайно, стожки ставили, прятали. Вывозили зимой по ночам на себе санками – не дай бог увидят. Правда, в тот год колхоз нам выписал воз сена. Помогал колхоз мукой, иногда и мясом.

Приходило лето, каникулы. Тут уж на целый день пасти телят по лесам, лугам и полям. Со второго класса уже сам в одиночку с утра до вечера с телятами. С собой тормозок – бутылка молока и кусок хлеба. Однажды упустил стадо в уже зрелую пшеницу. Выгоняю их с одного конца, пока выгоню всех, они, гады, с другого конца заходят. Бегал так, пока от отчаяния, от обиды не упал. Когда очнулся, все мои телята уже наетые отдыхали – которые на краю поля, а часть и в пшенице.

Второй класс я проучился до начала марта. Кто-то нашкодил на уроке, виноватым нашли меня, Максим Андреевич выгнал из класса. Вышел, хлопнул дверью. И такая обида накатила за несправедливость, до помрачения. Взял возле печки полено, грохнул в дверь и побежал домой раздетый по морозу. На крыльце кричал Максим Андреич: «Пынзарь, вернись!» Куда там. Ушел, и больше в тот год в школу не пошел. Отец не сильно по этому поводу беспокоился, впряг меня в работу по полной. В школу пошел осенью, после того как с отцом провели беседу, пошел второгодником. Дальше всё было нормально. Учеба давалась легко, дома не учил – хватало урока в школе. Если было свободное время, читал книги. Так до окончания четвертого класса.

Вроде во втором классе учился, когда случилась со мной беда. Была поздняя осень, в большую перемену бегали на курью кататься на льду. Со школы шел домой с Володей Козичем, сыном Филипа. Рассказывал мне, как вчера его старший брат дядя Ваня на курье утку подстрелил. Договорились сбегать на курью кататься, заодно покажет, где утку добыли. Пришли, вижу – вдоль берега широкая полоса белесого льда, а дальше лед чистый. Я, как старший на два года, иду впереди, прочность льда пробую. Дошел до начала чистого льда, ступил раз, второй третий.. Вдруг провалился. На мне ватничек, сапоги пропитались водой. На дно тянет меня, пробую выбраться – лед ломается. Кричу Володе: «Кинь мне доску!» Володя бегаёт,

какие-то щепки кидает, а и те до меня не долетают. «Беги в деревню», – кричу. Побежал паренек, а я повис на кромке льда и, не дождавшись, отключился. Очнулся, вижу: на берегу мама, отец бегают, дядя Ваня Козич и кто-то еще. Потом опять обморок, потом очнулся. Вижу, рубят колоду, к которой лодка примкнута. Баба Ирина шла мимо со своим топором тупым. Очнулся снова, когда возле меня лодка, в ней двое, один – дядя Ваня Козич. Попробовал схватиться за борт – и опять в беспамятство. На миг просветление на берегу, мама укутывает меня в куфайку...

Сколько купался в ледяной воде, кто его знает. Когда меня поднимали, висел на бороде. Вова побежал, к глухому деду подбежал. Не добившись толку, побежал ко мне домой. Там отец как раз из лесу жерди привез. Схватил жердь, побежал, по дороге дядю Ваню позвал. На берег прибежал, а толку с жерди той – раз в пять длиннее расстояние от берега до меня. От дома нашего до курьи побольше половины километра. Очнулся поздно вечером. Вижу потолок, потом чужая обстановка, меня растирают самогонкой. Не чувствую ног. Начал шевелить рукой, показываю на ноги, а говорить не могу. Только через пару дней вернулась речь. Вот такое катание и такая утка.

А до этого еще пару раз тонул. Первый раз в первое же лето после покупки дома. Играли на берегу, кто-то толкнул, я и булькнул – вытащили. Потом уже на другое лето девчата купались, до середины, а то и на другой берег уплывали. Одна взялась учить меня плавать: отнесла на глубину, бросила и уплыла. Я к берегу, а меня на глубину тянет. И опять буль-буль, опять увидели, вытащили. И еще раз тонул, в четвертый, уже после возвращения в Молдавию, летом шестидесятого. На небольшой речушке яма, пацаны купаются. Заходят выше от ямы, бросаются в быстрое течение... Я уже оделся, как вдруг закричали: «Тонет, тонет!» Не раздеваясь, прыгнул в яму, а он меня за шею обхватил, на дно потащил. Уже захлебываясь, сдавил его за горло, освободился, воздуха глотнул, его вытащил. Однако от темы ушел, но на сегодня, пожалуй, и хватит. Продолжение намечено под заголовком «Мужичок с ноготок».

Мужичок с ноготок

*Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах... а сам с ноготок!*

Да простит меня великий Некрасов – не корысти ради, а для сравнения напоминания. Но начну я с другого. Ну ее, эту работу, от которой конидохнут. Не волк, в лес не убежит. Об играх наших и забавах детей пятидесятых. Зима, мне скоро шесть, вся детвора катается на склонах. У одних салазки, другие на лыжах самодельных. Редко у кого покупные. Самые красивые салазки – от деревенского мастера по этой части. Детей много, а мастер один. Хотелось и мне, просил – не дошла очередь. Больше всего катались на лотках. Так называли в деревне эту самоделку. С утра запрашивал у Гугла – не знает Гугл такую самоделку, хотя запрашивал по-разному. Чего теперь только нету в продаже, и самоделок разных. Всякое-разное выдает, но такого нету.

Берется толстая широкая доска длиной чуть больше метра. Перед закругляется по бокам и низу. Доска не строгаются, а низ, наоборот, чем шершавее, тем лучше. В задней части, отступив от края приблизительно тридцать сантиметров, сверлятся или пробиваются стамеской два отверстия, чуть с наклоном в стороны – это будут ручки. Примерно посередине еще два отверстия. Туда вставляются и крепятся две короткие ножки. Между ними и между ручками крепятся перекладины. На перекладины дощечка, это сиденье. Всё, зимний самокат готов.

Вижу себя у соседа дяди Кости. Вместе с Шуриком ждем свежие лепешки от коровы. Подле тетя Нюра смеется, подшучивает: «Смотрите не прозевайте, ведро подставьте». Дождались, этими лепешками мажем-штукатурим днище самокатов. Ждем, когда замерзнет, обливаем водой, опять ждем. Еще раз поливаем, ждем. Так несколько раз, пока днище не покроется ровным слоем льда. Наконец, готово, можно на горку, кататься. Один позади на доске стоит и рулит своим наклоном, другой на сиденье сидит. Горка перед домом моим. Можно по снегу, но лучше по накатанной дороге: самокат летит, звонко гремит. В гору толкаем, с горы летим. Был случай: скатились вниз, толкаем гурьбой свои самокаты и санки в гору. Вдруг звук мотора, сверху едут двое на мотоцикле без коляски. Вся пацанва бегом с дороги, все перебежали на одну сторону, я один оказался на другой. Чертов мотоцикл, откуда только взялся в нашей деревне, пока ни одного не было. Рванул и я к ребятам. На дороге поскользнулся, упал, встать уже не успел – мотоцикл через меня, через голову мою проехал, через ухо мое. С двумя взрослыми. Как черепашка не треснула? Наверно, дистрофики были те мотоциклисты. Так и уехали без остановки, а я живой вот. На следующую зиму я уже и лыжи себе выстрогал.

Пришло лето, другие игры и забавы. В первую очередь игра в войну. Мастерили себе деревянные пистолеты, винтовки, сабли, автоматы. Делились на два отряда, строили себе шалаши секретные в лесу – штаб. Кто первый найдет, захватит штаб, тот и победил. Проблема была с немцами – никто не хотел быть немцем, по жребью вопрос решали. Игра с мячом, прятки и клестики. Клестики – это чижики в других местах. Опасная игра: могут так зафитилить этим клестиком, мало не покажется. Городки – самая ходовая игра. Потом чика. Кто не знает, это игра на копейки. Один бьет своим пятакон об стенку, другой должен своим; ударить так, чтобы от его упавшего пятака можно дотянуться большим и указательным пальцами до монеты соперника. Высший класс, когда монета ляжет на монету. А еще пугачи

мастерили. Трубку медную от тракторов гнули буквой Г, один конец расплющивали, в дуло свинец заливали на дно. Загнутый гвоздик и резинка. Крошили, засыпали головки спичек. Звук, что у теперешних покупных хлопушек разных. Потом пришло увлечение самодельными луками и стрелами: чья стрела выше полетит, чья точнее. Дошло, ставили яичко дрозда, метров с 15 попадали.

А дроздов этих было очень много черных. Вили гнёзда на пнях, на деревьях. Мы яички собирали, жарили. Дело это маркое было. Стоило подойти к гнезду, налетала стая дроздов, гвалт тааакой поднимали, пометом в нас стреляли. Очень вкусным было лакомство от березы. В начале лета сдирали бересту, соскабливали свежий не одревесневший слой. И сок березовый ранней весной. Много сока, заготовливали все. И теперь снится: делаю зарубки, ставлю посуду, пью березовый сок. А еще пупцы ели, молодые побеги сосновые с молодых сосенок. Верхушка дерева, самый длинный побег. По тропинке на скоп Козичей, на склоне сосняк молодой да густой. От густоты деревья длинные, народ там жерди топорами рубил. Иду я однажды на курью тропинкой этой, вижу пупцы на верхушке ну очень красивые, лакомые. Полез за ними. Добрался, рукой ухватился за верхушку, обломать хочу. Я ломаю, она не ломается. Тогда на помощь приходит вторая рука. На этот раз верхушка поддалась... Очнулся через сколько, не знаю, часов не имелось у меня. Высоко сидел, хорошо летел, среди острых пеньков себя увидел. Судьба, однако: не напоролся, на колья не наделся, опять живой остался.

Лыжи – заветная мечта, потому упросил отца на уборку сена отпустить меня. Покосы деревенские неблизко – за рекой Чулым, на заливных лугах. Косили взрослые, на конных косилках на чистых лугах. Где косилкой нельзя, там ручная косьба. Народ на покос добирался на лодках, а кони вплавь, через Чулым. Когда подсыхала трава, на уборку большой бригадой. Пацаны повзрослее на конных граблях сгребали сено в валки, а мелюзга на волокушах таскала сено к стогам. Волокуша: срубались две березки, нижняя часть очищалась от веток – это оглобли. Крепились березки поперечиной, а за эту поперечину еще пару верхушек цепляли. Запрягали коня в оглобли, и вдоль валка. Девчата грузили на волокушу копну. В мой первый покос не смог, силенок не хватило лошадку запрячь. Сбрую одел, дугу в гужи вставил, а супонь затянуть помог взрослый. До покоса далеко, уходили на неделю и больше, если погода стояла хорошая.

Первым делом, надо было лошадей отловить. После косьбы они на лугах оставались. Тут гонка начиналась – сибирские ковбои мустангов ловили. Еду брали с собой: сало, мясо, масло домашнее сливочное (ах, какое масло было: растопишь его – крупиночками желтыми всё), сметана, творог, молоко, крупы, картошка... Горячее на кострах варили. Ночевали в стогах. Помню, устроились на ночлег с другом Колей, сыном Ермолая. Ночью проснулся, не могу понять, где я. Вспомнил, чувствую Коли рядом нет – давай сено разгрести, Колю искать. Оказалось, ушел, бросил меня, нехороший. Наверно, к девчатам. Кто его знает, может, как у Есенина: «Я в весеннем лесу пил березовый сок, С ненаглядной певуньей в стогу ночевал».

За время сушки в валках осы селились. Напорешься на гнездо – все врассыпную. А еще купание, в озерцах и озерах на лугах. Девчата наши бедовые были: однажды поймали Володю Пописташа, молдаванина, раскачали, одетым в воду закинули. По вечерам песни на покосе и по деревне с песнями. Помню, одну о шахтерах песню пели.

Пришла зима, пошел за зарплатой я в Ежи, в контору колхоза. Так, мол, и так, на покосе я работал? Работал. Мне лыжи нужны, давайте деньги. А сколько надо? Уж не знаю, по каким там начислениям, а может, из кармана своего, дали мне 25 рублей. Бегом в магазин, и ура – на лыжах настоящих я. Теперь не то что самодельные, разъезжаться не будут. Теперь можно и с трамплина через землянку с крутого склона.

Может, в то лето, может, в другое, были наши и на покосе в Барбино на лугах. Был и я там. Наверно, тоже в то лето: супонь помогали затягивать, помню. А Барбино деревни теперь нету. Теперь и об Успенке ничего, упоминается как деревня в составе Сергеевского сельсовета.

А еще на уборке клевера был на полях. Всё убрали, домой собрались. Почему-то остался один. Надел на лошадку хомут, перекинул через шею дугу и седёлку, не помню как вскарабкался. Еду верхом по Троицкой дороге. Обгоняет грузовик, в кузове народ сидит. Лошадка моя следом рысью взяла. Мужики кричат, подначивают: «Давай-давай, догоняй». Лошадка темп набирает, меня с дугой и седёлкой в руках как тряпку монтыляет. Нет бы бросить всё, уздой стопорить, кричу тпруу, да всё без толку. Чую, набок съезжаю. Очнулся – надо мной лошадка стоит. Вдали остановился грузовик, мужик ко мне бежит. Помог подняться, спросил, что да как я, на лошадку посадил. Они уехали, потихоньку добрался домой и я.

Коль дошли до лошадки, расскажу о своей постоянной. На другое лето выдали нам кобылку со стадом ходить. Вредная, зараза, была, залезть на себя не давала. Мало того что я, малец, запрыгнуть не мог, искал пенек или бугорок. Она, такая-сякая, зубами меня за штанину хватала, скидывала. Так и ходил за телятами с ней на поводу, пока место подходящее не найду. Привяжу лошадку коротко к дереву за поводья, с пенька заскакиваю. Через шею нагнусь, поводья отвяжу, весь день верхом если подходящее место слезть отдохнуть не найду. В конце концов сжалились надо мной, дали другую лошадку. Ту самую, что на уборке клевера с ней был. Эта умная была: хоть и резвая, меня не обижала.

Да будет свет!

Летом 1954 года появились на деревне монтеры. Привинтили в стену изоляторы, показали, где копать яму под столб. Сказали, будет радио и лампочка Ильича. Столб пришелся аккуратно перед нашим домом. И сегодня стоит на том месте столб, но уже на бетонном пасынке. Яму под столб выкопал я. Привезли, поставили столбы, установили проводку, подключили свет и радио. Линию провели от Ежей. Там поставили дизель-генератор, там был радиочентр. Жить стало лучше, жить стало веселей. Правда, свет давали только с наступлением темноты, вроде часов до 23, если не 22. Так что не очень забалуешь и со светом и музыкой. Ну, музыка рядом была – у дяди Кости патефон частенько выставляли на подоконник, пластинки крутили.

Вспомнилось о линии. Вскоре однажды пошел в Ежи. Иду себе, что-то напеваю, провода гудят вдоль дороги. Вдруг гроза, и молния сверкнула одновременно с громом. Да треснуло и шандарахнуло, в столб рядом ударило так, что я оглох, чуть не упал. Прошла пара лет после электрификации, надумал я вторую лампочку в дом присобачить. Нашел, стырил на ферме патрон и кусок проводки, дома подсоединил. Включил выключатель. Лампочки загорелись, но стало темнее, чем при одной. Стал искать причину – совсем потухло. Наверно, от станции отключили, подумал. А давай-ка проверим, искрит ли? Взял алюминиевую ложку, встал на табуретку, сунул ложку в патрон. И пошла через меня трясучка от руки к ногам такая, будто каждая клеточка билась в конвульсиях. Опять живой остался. Вот такой первый опыт электрика. Но всё равно, хоть и не знал, что такое последовательное и параллельное включение, наладил методом проб: лампочки горели нормально обе.

Что касается света, и в переносном смысле стало светлее. Летом 1953-го родился брат Витя. Семья прибавилась, прибавлялось и хозяйство. Корова отелилась бычком, назвали Борькой. Противный был бычок, и хитрый, гад. Забота о нем на мне, он подрос, свободно гулял себе. Послали меня как-то пригнать его домой, а он не хочет. Я его гоню, он бежит вдоль забора из жердей. Забегу наперед – поворачивает в обратную и опять под забором чешет. Так бегали, пока не зацепил босой ногой сучок на жерди, насквозь ступню сбоку распорол. Подрос Борька, погнали мы его в город на бойню. Уже при подходе к бойне заволновался бык. Начал реветь, упираться, землю рыть. Скотинка, а всё чувствует. Помню, уже здесь, в Молдавии, когда в 2000-м умерла мама, корова день и ночь не переставая орала, пока не продали. Сдали Борьку, на деньги поменяли.

Зимой возили в Асино свинину на базар. Если не ошибаюсь, мясо по восемь рублей продавали, а сало по десять. Летом землянику собирали в лесу по березняку за нашим огородом сразу. Наберем четыре корзинки, в Пышкино продавать несем. Отец две побольше, я две корзинки поменьше. Продавали по рублю стакан. Росла в лесу и костяника, но мало ее было – для себя покушать. В другой стороне деревни в сосняке росла черника. Кустики низенькие, не то что на Дальнем Востоке. Ягоды помельче, но вкуснее, тоже для себя только. А еще на лугах в зарослях народ брал смородину, калину и черемуху. Черемуху сушили, мололи, пирожки пекли. Мне больше нравились пирожки с калиной. Грибы росли: рыжики, грузди, опята... В урожайный год опят этих – чуть не возами возили, так родили. Сушили опята, а зимой грибные супы варили.

Рыбалка была очень хорошая. Весной Чулым разливался, всю пойму заливало, рыбой озёра и старицы заполняло. Чебак, язь, окунь, линь... И щуки в нашей курье. Мы, пацаны, из конских хвостов дергали волосы, из них плели, петли делали. Привяжем на удилище петлю, идем вдоль берега. В теплые дни щуки у берега стоят. Увидишь, петлю осторожно заведешь, дернул – есть щука. У берега и с бреднем ходили. Тут уж улов побольше и побыстрее. В конце курьи вытекала речка. Чуть ниже слияния с Ежинкой русло сплошь колодами завалено. Бывало, залезу на колодник, окно найду, крючок с наживкой опущу. Вода прозрачная,

видно, как стайка красноперых подплывает, как окунь крючок глотает. Интересная рыбалка, визуальная. Вчера говорил с Витей, сказал, и сегодня тот колодник есть. Хорошо ловился окунь на старице у Чулыма. Помню, берег песчаный на другом берегу, там Семен Поплавский окунищ красноперых таскает. Только закинет удочку, сразу вытаскивает. Весь довольный такой, смеется мне, дразнится. А я на этом берегу с телятами. Рыбачу и я, а не клюет, как у него, у меня.

По весеннему разливу на мелководье люди ставили плетеные изгороди с окнами, где вершу крепили. Каждое лето приезжала с неводом бригада рыбаков. Тут уж промышленная ловля: невод с берега на другой и тралят. Чувствуют, что достаточно, вытаскивают на удобное место. Приезжала машина, рыбу грузили, в город увозили. Ловили и подледным способом небольшим неводом деревенские. Было, и я участвовал. Первый раз попробовали на одном из небольших озер, надеялись карасей черпнуть. Не поймали ничего, наверно, спали караси, в ил на дно залегли. Вернулись на курью, запустили под лед неводок, протянули, хороший улов получился. Однако самая рыбалка была зимой. Когда курья замерзала крепко, рыбе не хватало кислорода, и она устремлялась к голой воде. Незамерзающее пространство в месте, где впадала в курью речка. Чаще всего это случалось ночью. Мужики уже знали, что скоро попрут, кто-нибудь да дежурил. Когда начиналось, с курьи кричали: «Горит, гориит!» Деревня просыпалась, все хватало сачки, бежали долбить лунки. И черпали сачком: опустят в лунку, крутанут и вытаскивают. Вытряхнут и опять, пока на льду не набирались горы рыбы. Столько ее ловили, что свиной рыбой кормили. Из соседних деревень приезжали, и им давали. Теперь этого нету: курью, по Виктора Козича рассказу, чем-то сильным отравили. Рыбы нету, а и ловить не дают: браконьерство это, даже бреднем, и сети ставить нельзя.

Коль зашло о месте, где зимой не замерзало, вспомнился небывалый страшный случай на деревне. Вернулся из армии парень, на стройке в колхозе плотником работал. Говорили, из ревности, девчонку не поделили, сплетню про него пустили – в скотоложстве обвинили. Зайдет парень в клуб, а старухи сразу шу-шу да шу-шу-шу. Не знаю, сколько продолжалось. Однажды сидим в школе на уроке, вдруг рокот непонятный. Все на улицу выбежали, первый раз в жизни вертолет увидели. Раза три он в тот день прилетал. С уроков домой пришел, узнал: прошлой ночью пьяный парень с обрезком трубы по всей деревне гулял, старух навещал. Был и в нашем краю. К двум заходил, покалечил. А в других местах вроде и насовсем, не то двух, не то одну. Отомстил парень за жизнь свою полوماتую и исчез. Где только не искали, кто-то на станции в Асино видел, кто еще где. Нашли его подо льдом, в том самом месте, куда рыба приходила за кислородом. Вся деревня парня жалела. А председатель говорил: «Эх парень, парень... Лучше бы ты еще сплетницу-старуху замочил, отсидел немного, дальше жил».

О разном

Зимы в Сибири долгие, морозные. В доме печка русская и буржуйка. Пока буржуйку топишь, тепло; перестал топить, скоро остыло. В сильные морозы топили с утра до вечера, и дров уходило много. Приходил апрель, и вся деревня уходила в поля на заготовку дров. По окраинам полей, среди полей вокруг болот – березовые рощи. Там и шла заготовка дров: пилили, кололи, в поленницы складывали. Как только я дорос до возможности держать пилу, с шести лет с отцом на заготовку дров. Двуручной пилой валили березу, распиливали на чурки. Отец колот, я таскал поленья, складывал. Заготавливали себе, а еще и на продажу для одного местного. Если память не подводит, звали его Паша. Чем он занимался, не помню, вроде даже инвалидом был, но жил богато. Первым на деревне построил себе новый дом, и не на одну-две комнаты, а на целых четыре. Мама моя весь его дом внутри оштукатурила. Потом еще у других подрабатывала этим. Жил этот Паша вдвоем с сыном, парнем уже взрослым. Не знаю, почему, но однажды этот сын принес из леса пихтовый лапник. Случился скандал, после которого парень повесился. Остался Паша один в своем доме большом. В семидесятом я ездил навестить деревню детства, и узнал: Пашкин дом съел короед.

Однако вернемся к дровам. В то время дровами отапливались все. Для себя заготавливали сами двуручными пилами, а для отапливания учреждений дрова заготавливала бригада. Один раз видел, как это делается. В лесу стоял дизель-генератор, мужики работали электропилами. Поленницы всё лето лежали на местах заготовок, а по первому санному пути на лошадях привозили домой. Случалось, что дров не хватало. Было, среди зимы пошли в лес с отцом за дровами. Отец присмотрел здоровенную сосну, большая редкость в бору. Пила длинная была, а всё равно на всю толщину еле хватало ее. Чем старее дерево, тем плотнее, смолистее, потому и выбрал ее отец. Смазывали пилу керосином, немножко пилим, опять требует смазки, смолой забивалась. Свалили мы дерево, на части пилим. Я тяну по мере силенок, отец помогает, пилу подталкивает. У меня мерзнут руки, я хнычу. Отец: «Цыц! Как это мерзнут, мне жарко».

Такой уж он был: всегда прав только он, даже если и неправ. Упрямый, норовистый, абсолютный диктатор, не терпящий никаких возражений и оправданий. Ошибок своих никогда не признавал, все свои неудачи на других перекладывал. А другие, естественно, это я. Остальные еще сильно маленькие, на маму можно только цыкнуть. Библия не разрешала жену бить. Детей эта библия разрешала драть и даже советовала. Так что за всё и за всех больше всего доставалось мне. Ну и сестренке Гале тоже. Уже парнем был, жил в Кишинёве в общежитии, и в один день увидел на пороге четырнадцатилетнюю сестренку, босиком, в одном платьице ситцевом. Сбежала от отца ко мне за двести с лишним километров. Остается удивляться, как добралась, как нашла меня, не зная адреса. Маму хоть и не трогал, но злой был на нее. Она не признавала его веру, не ходила на собрания. Это зло срывал на ней другими изощренными способами: мог среди зимней ночи послать за холодной водой к колодцу и даже на курью. Добрейшей души бедная мама сколько раз на детей защиту вставала, сколько за нас переживала. Бедная сестренка Галя, наверняка, пережитые страхи привели к тому, что прожила столь мало. Заболела нервами, вся высохла и скончалась в 53 года.

Не сказать, что отчаянно смелый, но, когда касалось его веры, тут он становился негибким. Однажды с одной из редких проверок приехал из района надзорный комендант. Вывел отца на улицу, приставил пистолет: «Будешь голосовать?! Застрелю твою...» Может, и испугался, я не видел, но на выборы так и не пошел. Часто приводил в пример библейскую легенду о принесении Авраамом своего сына Исаака в жертву Иегове. Теперь вспоминая это, я почти уверен: скажи ему приезжий эмиссар сделать такое со мной, отец повиновался бы.

Вот теперь говорят: Сталин изувер, кровавый палач... Между тем наша молдавская, как теперь говорят, диаспора, жила себе, не зная о запретах. Свободно собирались по вечерам на свои собрания, приезжали посыльные, привозили журнал «Сторожевая башня» и другую литературу. Ни разу никто не потревожил эти собрания. Водили и меня на эти собрания, посылали за литературой в другой конец деревни, к тем, кто уже прочитал.

Руководитель местной ячейки Тимофей Поплавский. Три сына у него: Иван старший вскоре женился, за ним Семен, оба от первой жены. Иван меньший на три года старше меня. Жена (вторая) Аграфена, от нее Ваня. Ранее упоминал: жили наверху яра, в землянке на две комнаты. Внутри чисто, оштукатурено, побелено. Зимой много теплее, меньше дров расходовать. Там три землянки было, перед ними площадка – дворики. У Поплавских со двора в речку спускается канатная дорога. По этому канату воротом из речки воду таскают: ведро отпустят свободно, оно с ходу погружается в воду, знай, ворот крути, ведро наверх тяни. Зимой приходилось спускаться, лед долбить. На берегу речки у них огород. На огороде выращивали даже арбузы. Было, и нас угощали. Приносил отец, правда, не полной спелости. Урожай наверх тоже по канатной.

У Поплавских все взрослые, естественно, жили лучше нас. Может, поэтому, может, организация выделила деньги, скоро появился у них радиоприемник «Родина». По вечерам собирались слушать проповеди из Манилы, с Филиппин. Или приемник так далеко ловил, или ретранслятор был? Никто не глушил эти передачи. А говорят, что гнобил Сталин. Думается мне, не такая уж главная причина была эта вера. Думаю, причиной была и нехватка рабочих рук в Сибири. Ходили на эти проповеди не так долго: пришла депеша с директивой более не слушать их – не та организация.

Тимофей Поплавский работал на овцеферме. С ним Семен и Ваня. У старшего Ивана другая работа, не помню, какая. С Семеном и Ваней часто встречались летом на полях-лугах: они с овцами, я с телятами. Семен уже парень, так что с Ваней я больше общался. Когда получалось: и у меня, и у него строго в семье. Было, пошли мы на рыбалку, окуней на колоднике ловить. Он на велике, я пешком. Велик оставили недалеко под кустом. После рыбалки Ваня не мог вспомнить, где оставил. Искал, сильно переживал, плакал.

Дошло до овец, дошло до Рождественки. Не знаю, почему, в одно лето отправили нас с телятами в Рождественку. Там и пасти-то негде было – поля и тайга. Наверно, удобрять пары. Своих хватало, а еще и наших туда отогнали. Встречались с отарой овец и чабаны, тоже молдаване. Ох уж эта Рождественка. Поселили нас к одному одинокому мужику. Спать на полатах определил. А на полатах жарко, а и клопы накиннулись, чуть, гады, не сожрали. Прямо как собаки, чужих кусают. Долго мы там не выдержали, стали ночевать в пустующей избушке подле загона с телятами. А комаров там, мошки... Жуть! Впрочем, и в Успенке в сезон гнуса несладко: с дымярами в руке, с накомарником на голове. А еще слепни и оводы.

Был случай: только зашел во двор, пришел со школы, отец появился: «Ты почему не идешь менять меня?!» Какой там обед, бегом в лес за огород к телятам, там у нас перемена была. Отец с телятами с утра, я после уроков. Прибежал, туда-сюда, стада нету. Вернулся домой, сказал отцу: «Стада нету». Тут пропуск, что было. Нашли телят аж в Ломовицке. От овода так рванули.

В Рождественке работали по неделе через неделю. Вместе с нами вместо Васи Ротаря работал местный по имени Алексей. Добирались туда на телеге. Однажды после смены возвращались домой с мамой вдвоем. Дорога лесная, страшновато было. Доехали до поворота на Куиндат, тут погоня: один мужик на велике другого догоняет, орет, ругается. А в деревне той жили чувашаи, и почему-то считали, что злые они. Трухнули мы тогда здорово. Виду не подали, но, отъехав, газу поддали. Вскоре выехали на одну из полян, и вдруг первый раз в жизни чудо такое вижу: вышел на опушку рогатый красавец-марал. Нас увидел, постоял, да и пошел по своим маральим делам.

Шли дни, недели, года, мы выбирались из голодранцев. Отец купил себе часы «Победа» и лисапед. Начал я осваивать его, крутить педали через раму, потом на раме. Пока освоил, и штанину под звездочку затягивало, и ногу в спицы колеса совал, не один раз дорогу пузом пахал. Потом асом стал, как и другие: без руля, стоя на сидушке... Даже в Пышкино на велике ездил.

В 1955 году родился еще один брат Толя. Я уже почти совсем мужик: летом на телеге, зимой на санях по разным делам на деревне и на полях. Всех на деревне знаю, есть друг даже на самом дальнем краю, каждая собака меня знает в прямом смысле. Собак на деревне много, ходят сами по себе, никого не трогают. Я еще совсем малец ходил, так здоровенные псы за мной увязывались, до дома провожали. За что дома ругали меня, зачем привел? Есть одна твоя Роза, и хватит. Роза хоть и дворняжка, было, видать, охотничье прошлое. Со мной с телятами постоянно бурундуков на деревья загоняла, звонким лаем заливалась. Потом Роза исчезла. Однажды, как обычно, зашел к приятелям Сидунам. Зимой было. Уже не помню имен, один пацан спрашивает: «Хочешь, Розу твою покажу?» Повел меня на огород, показал... Оказалось, отец отдал ее на рукавицы. Наверно, мне в отместку. Непослушный я был.

Самое преступление мое: когда на деревню приезжал киномеханик, сбегал кино смотреть. Кинщик устанавливал свою аппаратуру, заводил генератор, запускал свое удивительное чудо. Денег у меня не было тогда совсем. После начала показа, когда кинщик был занят, самые смелые мальцы протискивались в клуб через окно. Наверно, специально было разбито одно маленькое стекло. Бывало, до начала прятались за экраном. Разумеется, об этом киномеханик знал, но не выгонял. Однажды, наверно, злой в тот день был кинщик, прогнал нас оттуда. Самое первое увиденное кино был фильм «Илья Муромец». Не помню, с кем прятался. Может, с братьями Шарабурко? Они были в друзьях у меня еще со времени постоя у Елены. А их отец и вовсе крестником своим меня называл.

Шли года, я подрастал, работал. Летом кормил комаров, любовался сибирскими жарками... Зимой, когда купил себе лыжи, ходил на охоту, ставил по лесу и в тальниках петли на зайцев. Не хотели они, эти зайцы, залезать в мои петли. Только один раз дядя Костя спросил: «Прошлой ночью в лесу заяц кричал, не ты петли ставил?» Сходили с Шуриком, зайца в петле нашли. Это была первая и последняя моя добыча зайца. Однажды перепугался здорово: прямо из-под лыж шумно рванул фонтан – косач ночевал, от мороза прятался. Этих косачей, в зимнюю пору можно было любоваться ими часто: за курьей на высоких деревьях сидели, наряжали собой. Рассказать всё за девять лет дело долгое. В 1958 году родился еще брат. В семье пятеро детей, вышел указ: многодетных отпустить домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.